

Первый русский дворянский герб^{1*}

Массовая подача дворянских родословных росписей в 80-е гг. XVII в. после указа 1682 г. об отмене местничества привела к тому, что появилось большое число рукописей родословных книг, где после глав, восходящих к официальным редакциям, добавляются новые росписи и семейные документы, относящиеся к деятельности одной нескольких семей, имеющих общего предка. Такой родословной книгой является недавно обнаруженный список с генеалогическими материалами Нарбековых, Державиных, Парецких, считавших своим предком мурзу Багрима, выехавшего служить к великому князю Василию Васильевичу. После родословца в 21 главу здесь помещены росписи трех указанных семей, списки грамот Нарбековых 50-х и 80-х гг. XVI в., публикуемое ниже стихотворное сочинение о предке Нарбековых и рисунок их герба².

Все эти документы Нарбековых надо рассматривать в комплексе. Центральное место здесь занимает стихотворное сочинение о подвигах Дмитрия Ивановича Нарбекова при взятии Казани в 1552 г. Со стихотворением связан текст списка грамоты царя Ивана IV от 21 июня 1551 г. в Бежецкую пятину, где Д. И. Чуваш Нарбеков назван Иваном Дмитриевичем и о нем сказано, что Нарбеков отставлен от службы, так как ранен в Казани (грамота написана за год до ее взятия!), «глаз выстрелен и руку у него оторвало из пушки». Возможно, при составлении этой грамоты был использован подлинный документ, полученный Нарбековым еще до взятия Казани.

Рисунок герба является как бы иллюстрацией к стихотворному описанию. В щите не только воспроизведены все подвиги Дмитрия Чуваша, но на примере эмблем, помещенных вокруг щита автор объясняет свое отношение к генеалогии и геральдике.

¹ * Гербовед / Изд. Рус. геральдической коллегией. М., 1993. № 2. С. 33–42. См. след. статью.

² РГАДА. Ф. 181. Д. 385.

Стихотворение о Нарбековых интересно не только потому, что это – пока единственное известное поэтическое произведение по генеалогии и геральдике XVII в. Автор не ограничился красочным описанием подвигов Чуваша под Казанью и его страданий от полученных ран. Он сумел уложить в стихотворную форму легенду о выезде мурзы Багрима в Москву, поколенную роспись Нарбековых, сведения о земельных владениях семьи. В специальных разделах своего стихотворения автор объясняет, что «навой и коруна», помещенные над гербом, показывают происхождение Нарбековых от правящей татарской династии, а лук и стрела свидетельствуют о том, что татарская по происхождению семья рассеяла своих потомков по всему свету. В заключение, обращаясь к «мудрейшему читателю», автор сообщает, что герб – принадлежность благородных воинских семей, его «крепце употребляют» «поганские языцы» и «западных стран народи». В этих рассуждениях виден уровень генеалогических и геральдических представлений рядового дворянства России XVII в.

Герб Нарбековых, очевидно, первый оригинальный дворянский герб. Рисунки других гербов, приложенные к росписям 80-х гг. XVII в., (Грушецких, Эверлаковых и др.) воспроизводят соответствующие гербы Польши и Швеции.

Рисунок герба Нарбековых еще не имеет четкой системы расположения эмблем в щите, свойственной европейской геральдике. Скорее он напоминает многосюжетные композиции некоторых русских икон, где на одном поле, в одной плоскости размещено несколько эпизодов из жизни святого.

В щите слева направо скачет всадник, вытаскивая из глаза стрелу уже оторванной рукой. Есть изображение «варварина», которого он проткнул копьем, и всадника, ранившего его сзади. Городская стена, с которой стреляет пушка, изображена достаточно натурально. Внизу щита рисунок, изображающий Дмитрия Чуваша «на одреце», под которым разведен огонь.

Но эмблемы, помещенные вокруг щита – завой (чалма) и корона, составлены в соответствии с нормами геральдики. Если рисунок в щите всего лишь иллюстрирует поэму, то эти эмблемы позволяют автору выразить свою общую геральдическую концепцию.

В XVIII в. при создании герба Нарбековых для «Общего гербовника дворянских родов» был как-то использован и этот рисунок: «В щите, разделенном горизонтально на две части, в верхней в красном поле на левой стороне находится серебряная крепость с тремя башнями, из коих на средней видна серебряная луна, а на крайних двух по золотой звезде. На правой стороне изображен скачущий к крепости на коне воин, пораженный в глаз стрелою, и пушечным ядром оторвана у него рука, держащая меч. В нижней части на правом золотом поле на середине означена перпендикулярно меховая полоса. На левом голубом поле

изображены золотом крест, над ним корона и внизу луна, рогами вверх обращенная...»³. Над щитом – красная чалма с пером, над ней лук с вложенной стрелой. Как видно, Нарбековы в основу своего герба взяли изображение подвига Дмитрия Чуваша, а все детали, помещенные в рисунке из их сборника XVII в., сюда не вошли. Но геральдические символы – чалма, натянутый лук со стрелой – попали в герб XVIII в.

Памятуя, что однородцами Нарбековых были Державины, было бы заманчиво предположить, что поэтический дар был издавна присущ этому роду. Некоторые места в стихотворном произведении позволяют предположить, что его писали в кругу семьи: «Нам же, из него (Чуваша – М. Б.) роженным наследником его, живым сущим во здравии», но делать из этого окончательный вывод, конечно, рискованно.

Эпиграммы

На война

Вооружен воин благоверен варварина побеждает
И копием его явно яко змия храбро прободает,
Мужественно поразив, с коня его на землю низлагает,
О Христе хвалясь, благочестивого своего царя прославляет.

На имя

Тот воин Иван Дмитриевич Нарбеков, Чюваш рекомый,
Под градом Казанью з благоверным царем Иваном знакомый,
Храбро и мужски и доблественне против бусорман ратуя,
И за веру христианскую и за государя царя своего мужески поборая,
И ему, государю своему, во всем служа верне,
И яко богу со страхом работая благоговейне.
И всему воинству православно российскому храбро себе показуя, .
И врагов креста Христова бусорманом страшно себе повествуя.

На раны и крепость мужа

Небезбедно же и самому ему то преминуло.
Неприятельское оружие его самого зелне уязвило:
Наскочив созади безбожный варварин копием его ураняет,
Яко пес зелне его и жестоце уядает.
И другой в око его сопротив стрелюю уранил,
Яко змий жалом его люте уязвил.

На крепость

Тои убо храбрый муж непобедим пребывая,
И крепце себе на коне уязвлен удерживая,

³ Общий Гербовник дворянских родов. СПб., 1799. Ч. 4. С. 45.

Тшась неприятелем себе страшна и храбра показати,
Изо очесе своего желая стрелу вонзену бодрено изяти,
За ню ж крепце и бодростно приемая,
От томления болезненаго раны себе освобождая,
Приемлет сугубо тяжкую смертную рану:
Видит и тую руку у себе ис пушки оторвану.

На герб славный и честнейший породы Нарбековых
Из градских убо казанских врат по тои ис пушки застреляют,
И от телесе яко ветвь от древа жестоце отрывают.
Он же во всех сих язвах крепце на кони удержася
И всему воинству храбро явственно показася.
По том же зле ранена с победы в станы провождают,
И цареви благочестивому о храборстве его изъясляют.
Благочестивый убо царь милосерд его призирает
И врачевати его со тшанием повелевает.
И многими дарми его обдаряет,
И милосердно его чесностью прославляет.
Врачеве же раны его разумева быти смертны,
И ко врачеванию себе возложиша смотрительны,
Уразумеша, яко аще стрела будет из главы изята,
Абие жизнь и дыхание от него будет отъята.
Умыслиша во оце стрелу сопреди приломити,
Созади же оной железо в конце притупити.
И тако абие тое сотвориша,
И оное врачевание учиниша.
Ибо зиме же тогда люте належаще,
Теми убо раны он, храбрый муж, зелне боляше.
В станех убо сродные его о нем промышлене творяше,
И врачеве его снабдевая раны врачеваше,
И убо тогда в станех теплого крова не имяше,
Дабы ему такому в болезни сушу отраду подаваше.
И некто от приятель его, об нем попечение имяше,
О здравии его промышление творяше,
К покоению его в куще над огнем одрец устрояше,
И на нем возложе, мал огнец под одром возгнещаше,
Дабы ему болну сушу, раны его нагревали,
И в ташей болезни по немалу отраду подавали.
Ему же, болна сушу, на оном одре лежащу
И оными тяжкими раны зелне болящу.
В тыя же дни, паки агаряне казанский из града изшедъше
И на обоз российских ратных безвестне нападше,
И в полцех христианских воинство зле возмятоша,
И сами врази христови явствено подаша.

Российское же воинство из обозу противу им выежжают,
Их, врагов обжих, аки зверей крепце побеждают.
Сродницы же онаго храбраго и сверстницы против поганных успевают,
И его, болна суша, единого в стенах оставляют.
Он же немощен бяше зело, не яко себе отчаяв,
На одре оном над огнем лежав себе болна почаяв,
На други бок себе нужно превращает,
И со одром оным во огонь безсилием упадает.
Его же изъяти тогда со огня иному не суцу,
Самому же ему бяше немощнейшу,
Невозможе со оного огня себе двигнути
И конечнаго боления паки избавити.
Ему же на другой бок во огни тогда згарает,
Паки сугубо болезни себе прибавляет:
Стрелою же раненою око,
И раны згорелаго бока,
Со отъятою рукою
Вопиют к богу собою.
Егда же благочестивый российский царь Иван Васильевич всеа Росии
Прият град Казань, сотворяется варваром оным властодержец,
В царствующий град Москву с победою возвращается,
Оный же храбрый муж Дмитрий Иванович Чюваш во свояси
провождается.

В Новгородские пределы вотчину свою с родными отъезжает,
И по толицах ранах тяшких бог вышний его уздавляет.
И от оного смертного одра и от ран содетель возставляет,
И пятьдесят лет жизни ему вышний творец к летом ево прибавляет,
И чадородием его на старость обдаряет.
Яко Аврааму сына в старость возставляет,
К трем перворожденным четвертого по летех мнозех сына раждает,
Иваном его любезне называет.
Тои же муж храбрый по тяшких ранах жив 19 годин,
И всех дней живота его осмьдесят и один.
Ко господу в вечное и ко отцем по писанием себе преселяет,
И по себе 4-х сынов оных: Федора, и Самуила и Потапа и Ивана
оставляет.

Тому убо славному и храброму мужу буди во оном блаженстве вечное с
праведными упокоение

И небесное вечное веселие.

Нам же, из него роженным наследникам его, живым сущим во здравии
благодарственное многолетно о Христе веселие,

И ни в чем оскудение.

На фамилию

Домовство и род Нарбековых издавна славою и честью слыло,
И поколенья измаильтескаго и – Златой Орды в Российское царство
прибыло.

Во дни великаго князя Василья Васильевича рекомаго Темнаго,
росийскаго самодержца.

В Росийских странах предний род Нарбековых нача умножатся.
Именем Багрим муж честен, он первый во дни оныи в Руси явися,
И самем оным велики князем Васильем святым крещением просветися.
Он, великий князь, ему от купели святыя быв восприемником,
И многому имению и отчинам сотворяет его наследником.

Даде ему в Нижегородских пределах отчину село Толоконцево з
деревнями.

И в Володимерских пределах вотчины село Поречье на реки Нерли с
угодыями,

И иные многия веси в розных краях многолюдны,

И ни в чем всящеми благостыми нескудны.

Иныя же веси и села чада его и наследницы

Придаша в помяновение его ко святей Троице

И Сергию преподобному чудотворцу во обитель за душа их,

Да вечное помянование бывает по них.

Потом же наследницы его бывают в Новгородских пределах иным
отчинам иметели

И в Бежецкой пятине многим селом владетели.

Имянуюцца же тые веси и до днесь прозванием онаго: Гора Чювашева
И села Михайловское и Орехово и Коршакова.

По летех же многих тем странам от войны и мору сотворись
запустение.

Та ж Нарбековых наследницы и тем отчинам того для себя сотворяют
улишенья,

И вместо тех во других краях себе иных отчин доступают.

Тыя ж новгородския ж веси по царьскому указу многим в поместья
роздавают,

И днесь владомы многими славными дворяны,

Кому те вотчины в поместье розданы.

Эпиграмма на завой и коруну

Новой челмы в бусорманских народех на главах носити обыкоша,
Государьские их дома тако же на завое венец носити изящество
прияша.

Из такого суще славнаго дому Усман и Усеин бека Нарбековых порода.

В Российском государстве служити начаша отнюда же многие года.

Тым домовством и породою себе Нарбековых род познавают,

И поистине не в ложь ся ими прославляют.

Род Нарбековых ис поколенья златоотдынских владетелец Усманских
влекомый,

И в Российском государстве посреде славных знакомый.
То являет в роде Нарбековых корона татарска,
Яко род Нарбековых издавна княжества и рода сарацынска.

На лук и стрелу

Лук и стрела Нарбековых породу знаменует татарску,
Яко от Измаила влекому древле агарянску.
Луком и стрелою Измаила бог его обдаряет,
И муж силы его прославляет.
Руки сех на него и его на всех положены быти являет,
И во всех странах род его и потомство розсевае,
И во благочестии христианства от корене его просвещает.
Усеин бека и – Златой Орды славна святым крещением прославляет.
Из того дом Нарбековых воставляет и прочих фамилий прозванием
умножает.

На шлем и наперие

Шлем в середине зброи являет, яко он храбрых муж издавна,
Древле и тая бронь рыцерству от века дана.
Род Нарбековых службою и храбрством себя проявляет
И мужеством, и правдою, и любовию, и верою прославляет.
В том знаменует на враги одоление и крепость,
И к царем и государем российским во всем покорение и верность.
Все, что есть в сем гербе прибрано,
То купно в род Нарбековых за знамение дано.
Тыми ся знаки род Нарбековых славит
И до конца века небесного царя хвалит.
И тое знамение в рати за счастье имея, врагов побеждает
И благочестивейшему царю государю своему верно услужает.
Тыя признаки яко клейноты на персех носят,
И тыми между разумными ся возносят.

Епиграмма на читателя

И мудрым сему поревновати достойно,
Понеже то коемуждо в род имети подобно.
Аще в Росии и обычая в том не имеют,
Поне дерзнути на то не смеют.
И инии в том от неведения не благоволяют,
Поне разсуждения премудра в нем не употребляют.
Аще бы тое таинство поразумели,
Что в том содержит, мнози бы с радостию то имели.
По сем не пщую вразумитися любо восхотят

И сие воспяти с радостию благоволят.
И чесо бы ради кто возневшевал непотребно,
Да аще бы разсудил здраво, и то бы было и всем годно.
Мордва и черемиса и прочие народи древа знаменует,
И в нашем мудрейшем народе сие често ради не употребляют.
Мудрейши читателю, о сем вразумися
И в любомудрии сего знамени умудрися,
И сему буди любезный рачитель,
И от того ся имети буди умудритель.
Аще кто возмнит сему быти неудобно,
Сам себе не разумети быти и творити неподобно.
И аща хочещи сему вразумитися,
Потреба от некоего мудрейшего умудритися.
Иде же некто благоволил написати,
Скажуй праведному и приложит приимати.
Аще и ты возмнишь вышереченному в роде оном знамени сему быти
неверно,
Понеже и ты сам о себе поразумети не хочещь благо и честно.
Ты же, читателю благий, бывай благоразсудный,
И себе и другому возми сие быти потребный.
Над всем сим зачало премудрости страх господень,
И по том по всем будеши богови благоугоден
И аще хочещи в том таинство поразумети,
Зри прилежно и разумевай всех стран сие имети.
Во всех странах сие крепце употребляют,
И тым ся к сим даров честию прославляют.
Не точию христианский народи сии возлюбиша,
Но и поганский языцы и прости народи употребиша:
Немецкие и полские и западных стран народи,
Тое вси купно имеют во своей породе.
И тацами ся знаки знаменуют,
Во окрестных странах познавают.
Тому ж подобно и во время рати дают гасло,
Дабы страшно неприятелем и супостатам ясно.